

Богиня мести умеет ждать...

Куколка для Немезиды

Роман

НАТАЛИЯ
МИРОНИНА

Наталия Миронина
Куколка для Немезиды

«ЭКСМО»

2013

Миронина Н.

Куколка для Немезиды / Н. Миронина — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-66046-9

Лишиться в одночасье дома, доброго имени и права называться человеком, получив взамен прозвище «бомжиха», – что может быть страшнее? И как же трудно в этом небытии оставаться собой и медленно, спотыкаясь и падая, двигаться к своей цели! Пройдя этот трудный путь и уже собираясь наслаждаться результатами своей мести тому, кто когда-то превратил ее жизнь в ад, Вера Селезнева вдруг понимает, что любит этого человека...

ISBN 978-5-699-66046-9

© Миронина Н., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Наталия Миронина

Куколка для Немезиды

Духи – французские. Она их узнала. Такой нежный, с напоминанием о гиацинтах и нарциссах, аромат. Еще там чувствовались нотки свежести и... далекого счастья. Но запах был не густой и бесполой, как в парфюмерных магазинах, а мягкий, согретый женским теплом. Такой аромат имеет надушенное тело. Этот запах был закутан в струящуюся норковую шубку, длинную и узкую, из-под которой выглядывали изящные лодочки на высоком каблуке. Туфли были лаковые, коричневые, в тон шубке. На миг полы распахнулись, и показались ноги в прозрачных чулках.

– Осторожно, простудишься! – Мужчина в сером костюме, с шарфом вокруг шеи покинул водительское место и помог обладательнице шубки, туфель и красивых ног войти в тяжелую зеркальную дверь. Девушка и ее спутник исчезли. А она продолжала стоять около большого окна, за которым скорее всего было тепло, красиво и уютно. Она потопталась еще немного около двери, запахла замызганный пуховик и, увидев приближающегося швейцара, пошла прочь.

Часть первая

...Она погладила его руку. Выгоревшие на солнце тонкие волоски казались рыжеватыми. Он повернулся на спину, и она, примостившись на его плече, почувствовала щекой горячее тело и твердую ключицу. Так лежать было не очень удобно, но она и не подумала поменять позу. Умиление и радость охватили ее: они были вместе.... Но ключица все-таки мешала... Вера открыла глаза и обвела взглядом комнату... Сон отступил, и с ним ушел образ кого-то очень родного и любимого. Кого? Она не знала...

Это была такая удача! Подвал оказался сухим и теплым: вдоль светлых, оштукатуренных стен тянулись тонкие горячие трубы. А еще в соседнем, таком же недостроенном помещении она обнаружила кран с водой. Вода текла ледяная, но если ее набрать в пустые пластиковые бутылки и поставить у стены, часа через два можно будет помыться. Полностью. Даже привести в порядок голову. Что такое два часа, если ты не мылась полторы недели?! Вера еще раз внимательно огляделась. В тот угол она сложит все свои сумки, в дальнем от окна устроит постель. Маленькое оконце Вера уже предусмотрительно закрыла картонкой, на которой спала в парке и которую сегодня целый день таскала с собой. Нет, негоже сваливать нестираное барахло в комнате, где собираешься спать. Пусть сегодня все будет по старым правилам. За стеной, там, где кран, она сложит сумки и помоемся. А здесь устроит себе постель. У нее сегодня будут простыни и наволочка. Вера вынула из черного пластикового пакета стопку голубых одноразовых простынок. Их ей удалось выпросить в приемном покое больницы, куда увезли умирать Бориса. Она присела на остаток топчана. «Хорошо, что я поехала с Борисом. Человек умер со своим именем и не одиноко». Она вспомнила, как сонный врач долго записывал что-то в карту. Попросил Веру поискать в вещах умирающего документы. Но она ничего не нашла, а просто рассказала о Борисе то, что знала со слов его друзей. Или собутыльников. «Какие они друзья! На «Скорой» с ним не поехали. «Верка, езжай ты! Ты – новенькая и самая чистая из нас». Бородатый Миша, не дождавшись отъезда «Скорой», поделил водку Бориса между всеми. В больнице молодые медсестры воротили от Веры нос, нет, не явно, но в комнате долго не задерживались. А старуха-уборщица в сером халате провела ее на бельевого склад, дала кучу белых чистых тряпок и кусок хозяйственного мыла. Душ Вера принимала там же, а уборщица стояла на «шухере». Из больницы Вера ушла под утро – выпалась в подвале на тюках. В пакете у нее лежал белый батон и стопка одноразовых простыней. Остаток мыла она тоже прихватила. Но это было полторы недели назад. Вчера ей повезло: она пробралась в торговый центр, там, в женском туалете, из автоматической мыльницы набрала душистого перламутрового мыльного крема и сегодня наконец вымоет голову.

С тех пор как ее жизнь превратилась в одну большую неприятность, Вера научилась дневные мелкие проблемы начисто стирать из памяти. Уже опустившаяся внешне, но в душе оставшаяся прежней, она поначалу болезненно реагировала на пустые взгляды прохожих. Потом привыкла, найдя интеллигентное оправдание: мол, пристальный взгляд – это почти соучастие, на которое не у всех хватает сил и времени. «Я и сама, наверное, вела себя так же», – думала она, когда у метро пыталась перехватить у прохожих мелочь. Это было не попрошайничество – взамен Вера предлагала старые журналы по рукоделию: «Вышиваем сами» и «Вязание крючком». Целую стопку их она обнаружила на помойке одного издательства. Журналы оказались немного помятыми, но страницы были все и схемы для рукоделия тоже. Прохожие уворачивались от ее рук, словно играли в игру «поймай меня». Несколько человек дали мелочь, а один военный, симпатичный парень, вынул кошелек и отсчитал две тысячи. При взгляде на эти деньги Вера задохнулась и почему-то начала объяснять, что она не «такая», что у нее высшее образование и диплом об окончании школы экскурсоводов. Парень, смущенный своей щедростью и неловкостью ситуации, убежал к автобусной остановке. А Вера, присев на ска-

мейку, принялась решать, на что потратить такую сумму. Через десять минут стало ясно, что эти деньги не решат никаких ключевых проблем и, следовательно, ее не спасут. Одним словом, жизнь не поменяется. Тогда Вера дошла до рынка, почти бесплатно набрала там помятых овощей и фруктов, а в аптеке купила препараты от вшей, для дезинфекции и дезодорант. Большой город с особенной жестокостью расправлялся со своими дочерьми: он заставлял их погибать не только от голода и холода, но еще и от сознания собственной неухоженности.

Очень скоро Вера поняла, что помогут ей немногие: несколько церквей, где можно поесть, погреться и взять одежду, автобус с приятными и бойкими девчонками, раздающими благотворительные обеды, редкие горожане. Прочим такие, как она, наверное, представлялись призраками, скользившими по городу сквозь толпы людей и казавшимися реальностью только самим себе.

Еще одной проблемой стало общение: найти общий язык с давнишними обитателями подвалов, заброшенных строек и старых домов было сложнее, чем с одичавшими за летние каникулы восьмиклассниками. Новое лицо считалось конкурентом, и с ним мирились только в случае, если оно могло поддержать сообщество горячительным напитком или едой. Доставать и то и другое Вера в новых для нее условиях не умела. За все время она смогла подружиться только с Борисом, тем самым, который умирал от переохлаждения прямо на площади у Павелецкого вокзала. Борис уже забыл, кем работал на студии «Союзмультфильм», но помнил, что его уволили, а до этого его выгнала жена, потом... Потом жизнь вырвала из рук поводья и понеслась, неуправляемая, в смрад помоек, пьяных драк, человеческого хамства и философских разговоров о мироздании. Вера сразу оценила и юмор Бориса, и его своеобразное повиновение ситуации. «Как получилось, так получилось! Но это же еще не конец. Подождем-с!» – улыбался Борис и приносил ей добавку супа. Когда он умер, Вера собрала свои пакеты и ушла с площади Павелецкого вокзала.

Или вода согрелась быстро, или просто неумоготу было ждать. «Простужусь ведь!» – по привычке подумала она, намыливая голову и поливая себя водой почти крещенской температуры. А потом опомнилась: «Ну да! Если в депо не простудилась, в парке не заболела, то здесь, в этих «царских палатах», тем более ничего не случится!» Где-то в глубине ее души уже поселилось равнодушие к жизни, к себе, к людям. Круг интересов сравнялся с заботами первобытного человека: еда, питье, тепло. Жизнь сузилась до проблем одного дня, но все-таки оставалось что-то, что заставляло переживать из-за нестриженных ногтей, грязного пуховика и лихорадки на верхней губе, которая не проходила уже неделю.

Воды было много, мыла тоже, поэтому через два часа Веру стало невозможно узнать. Отмылся грязный загар, появились нежные веснушки, пепельные волосы нежным нимбом окутали худенькое лицо – миловидная тридцатилетняя женщина сидела в подвале на аккуратно застеленном топчане и маленькими ножничками пыталась сделать себе маникюр. Ее одежда, постиранная, была развешана в соседней комнате, на деревянном ящике стояла зажженная свечка и лежал словарь английского языка. Вера орудовала ножничками и повторяла вслух неправильные английские глаголы.

Она никогда не вспоминала, что с ней произошло. Роковые ошибки не исправляются. Жизнь потекла по руслу, выкопанному подлецами, собственными неопытностью и невезением. Вера, бродившая по городу, внимательно смотрела на людей – красивых и беспечных. Она не позволяла себе роскошь вспоминать себя точно такую, а на свой вопрос: «Что же было главное в той, прошлой, жизни?», отвечала: «Чистота». Люди, бегущие по городу или ехавшие на машинах, даже, наверное, не догадывались, что своей работой, доходами, карьерой, удачному замужеству или женитьбой они в первую очередь обязаны горячей воде, мылу и шампуню с зубной пастой. Вера же с ее пятью попытками устроиться хоть на какую-нибудь работу это теперь знала точно. Иначе разве бы ей отказали в ЖЭКе, куда она просилась собирать опавшие листья. Жэковские тетки, говорящие, все, как одна, с восточным акцентом, при появлении

Веры открыли окно и быстро выпроводили нежелательную посетительницу вон. И так повторялось везде: около палаток, на строительном рынке и еще в нескольких местах. А потому задача перед ней стояла следующая – смыть с себя грязь и начать зарабатывать деньги.

Через неделю, никем не потревоженная в своем подвале – слава богу, у застройщика кончились деньги, – женщина превратилась в почти прежнюю Веру Александровну. Она много спала, вволю плескалась в холодной воде, вечерами выходила побродить по улицам – свежий воздух нужен для цвета лица. Раз в день ходила в знакомую церковь, поесть благотворительного супа. Там же нашла себе платье и очень приличные брюки. Стойкое спокойствие, с которым она двигалась к своей цели – получению работы, – казалось, поселилось в ней прочно, не давая больше никаких шансов разлагающему равнодушию. На десятый день Вера проснулась рано и привела себя в порядок. Причесалась, оделась – серые брюки она попросила отгладить знакомую тетку из церкви.

Перед тем как выйти из подвала, Вера еще раз проверила содержимое сумочки. Было несколько предметов, которые она, даже умирая с голоду, не отдаст и не продаст. Это дорогая маленькая сумочка, купленная в Праге, куда Вера ездила со своим классом, старенький маникюрный набор, английский словарь и ключ от квартиры, которая у нее когда-то имелась. Еще было двадцать долларов. Ее неприкосновенный запас. Сегодня она решила поменять десять – для уверенности в себе немного денег не помешает. А там... Там, то есть завтра, у нее появится работа, в этом она сегодня не сомневалась. Пусть тяжелая, но дающая хоть какую-то надежду на будущее.

Администратор Рая Бушлачева опаздывала на работу. С тех пор как она устроилась в этот ресторан, самой большой проблемой стало время. Его не хватало ни на что. Ни на встречи с подругами, ни на длительные походы по магазинам, ни на личную жизнь. Последнее обстоятельство волновало Раю больше всего. Именно «волновало», в прошедшем времени. Поскольку, судя по сегодняшней ночи, личная жизнь Раи закончилась. До утра женщина выясняла отношения с любовником Никитой, который собрал уже все свои вещи и ждал такси, чтобы переехать к другу. Объяснения были унижительно-утомительными, поскольку Никита отмалчивался, Рая кричала, плакала, стояла на коленях. Сейчас об этом вспоминать было совсем мутно. «И почему я не ушла с этой работы полгода назад?!» – спрашивала себя Рая, спешно бросая в сумку дамские мелочи. На самом деле она знала, почему не уволилась и не уволится по собственному желанию в обозримом будущем. Место хорошее. Владелец – человек спокойный, доброжелательный и хорошо работающих сотрудников ценит, не обижая маленькими зарплатами. Директор строже, но тоже разумный. За мелкие провинности не взыскивает, а в причинах серьезных проступков разбирается без воплей и мата – редкий случай для общепита, рынков и очагов культуры.

Ресторан был на хорошем счету, там иногда работали приглашенные иностранные шефы. В свое время владелец ресторана Ованесян сам ездил по итальянским знаменитым заведениям и приглашал известных мастеров.

– Вас узнают все, кто ценит настоящее итальянское кулинарное мастерство! – обычно говорил он переводчику, а на собеседника смотрел пронзительным темным взглядом.

Эта практика, гастрономические гастроли, – нововведение Ованесяна. Раньше иностранные шефы работали в ресторанах по долгосрочным контрактам. В той схеме, которую придумал Ованесян, завсегдатаям заведения в течение года были обеспечены яркие и разнообразные вкусовые впечатления. Рая до сих пор помнила ажиотаж, который вызвал молодой поваренок из Поднебесной. Ованесян откопал его в глубокой китайской провинции, в какой-то деревне. Парень так готовил традиционные китайские пельмени и рисовые пирожные с черным кунжутом, что владелец ресторана посулил ему в Москве «золотые горы», которые окупились моментально: народ валом валил на китайское гастрономическое чудо. Рая сбивалась с ног, сканда-

лила с официантками и молила Ованесяна открыть вторую точку. Тот, хитро посмеиваясь, отвечал, что «чудес много не бывает». Но превзошел всех немец из Аахена. Тот готовил весьма просто, однако на его фирменный маковый рулет была запись. Рулет брали и как десерт в ресторане, и как выпечку, которую Ованесян распорядился доставлять по адресам клиентов. Для рулетов была заказана специальная упаковка и ленты. Рая удивлялась: зачем столько мелкой суеты, когда клиенты готовы унести блюдо домой просто в руках. Ованесян и на это знал правильный ответ: «Прежде всего – уважение к клиенту и кондитеру». Секрет особого рецепта немец открыл перед отъездом (кулинара вусмерть напоили на прощальном банкете): в мак добавлялась ложка манной крупы. И мак с сахаром не перетирался, а долго томился на огне. Начинка получалась сладкой, сочной, похожей на удивительный крем. Впрочем, это было пару лет назад, сейчас ситуация немного поменялась, хотя ресторан все равно пользовался успехом...

...Рая устала суетиться и присела на краешек кровати. Напротив, в зеркале, она увидела свое отражение: круглое опухшее лицо, красные глаза, которым не помог килограмм туши, волосы, кое-как стянутые в хвост черной лентой, и только форменная белая блузка была свежа и нарядна. «Он меня извел. Все, больше так не могу!» Рая поняла, что если она еще хоть на минуту задержится дома, то в ресторане ее сегодня не увидят. Хотелось лечь на кровать, смотреть в потолок и жалеть себя. Рая пошла в ванную, еще раз умылась холодной водой и, уже глядя в другое зеркало, снова принялась ругать себя последними словами за то, что раньше не уволилась из ресторана, сама не выгнала Никиту, не съездила к родителям в Уфу – то есть разом за все совершенные и несовершенные ошибки. Особенно было обидно за то рвение, с которым она обустроивала свою квартиру. Рае хотелось, чтобы Никита жил в уюте. А выяснилось, что любовнику на это все наплевать, для творчества ему вполне достаточно маленькой кухни и раскладушки. Он так вчера ночью и сказал: «Ты меня своим уютом задушила! Мне было свободней в моей коммуналке, чем в твоей двухкомнатной квартире!» А между прочим, эту квартиру она купила, продав мамину в Уфе и заняв у владельца ресторана Ованесяна недостающую сумму. Тот одолжил ей деньги, потому что когда-то знал ее отца, да и на должность администратора Раю приняли из-за этого. «Видите ли, далеко до центра!» – Рая распалялась все больше, вспоминая ночную ссору. Никита сказал, что пока он поживет у друга, на Пушкинской, – там ему ближе к работе. Она ездит каждый день и возвращается за полночь, а он просыпается в двенадцать часов, репетирует, уезжает в клуб, а если нет концерта, просто ничего не делает. «Мама, как всегда, права – у мужчины должна быть профессия. Сколько раз она мне это говорила!» – продолжала злиться Рая, уже находясь в метро. Пока поезд не влетел в пасть тоннеля, он бежал по серым московским окраинам, которые в равной степени могли быть окраинами Волгограда, Красноярска или любого другого большого города. Сама столица начиналась позже, но пассажирам уже видна не была. Чем ближе Рая подъезжала к работе, тем злее становилась. Сегодня просто отсидеться в кабинете и понянчить свою беду не получится. Уже три дня ресторан жил без посудомойки. Временно обязанности возложили на уборщицу. Но она согласилась только на полдня, а вечером ей надо было забирать внука из садика. Утром скопившиеся горы посуды занимали все металлические столы. Вчера сама Рая, надев халат, загрузила большую посудомоечную машину – иначе сегодняшним первым посетителям тарелок уже не хватило бы.

– Раиса Юлдашевна, кондиционер сломался! – ничего лучше новенькая официантка Таня придумать не могла. Хоть бы дождалась, пока Рая войдет в кабинет. Персонал рассредоточился по закоулкам ресторана – все заметили заплаканные глаза администратора и поняли: сегодня день неблагоприятный, что бы там астрологи ни пророчили.

– А чем я могу помочь? – Рая, не глядя на Таню, галопом проскакала в кабинет. – Анну Леонидовну ко мне.

Рая шумно поставила сумку на стол, села в кресло и стала ждать главного бухгалтера. Анна Леонидовна была «женщина – рахат-лукум». Так, во всяком случае говорил Ованесян, хозяин ресторана. И дело было не столько в ее приятной пышной комплекции, безумном облаке белых волос и нарядах с огромным количеством блесток. Анна Леонидовна имела редкую способность решать самые сложные проблемы мягкими, но действенными способами. «Препарат «Регулакс», – высказался однажды на ее счет кондитер Николай. При этом с розового лица Анны Леонидовны не сходила полуулыбка, коими так богаты русские портреты эпохи художника Левицкого.

– Что у нас с посудомойкой, кондиционером и налоговой? – Рае очень хотелось увидеть на лице главного бухгалтера панику. Если вопрос кадров и налогов имел отношение к Анне Леонидовне, то кондиционеры ее не касались никак.

Женщина широко улыбнулась.

– Раиса Юлдашевна, да все замечательно! Бумаги в налоговой инспекции подписали, кондиционер не сломан, а отключен – вечерняя смена не предупредила утреннюю. А посудомойка, – тут Анна Леонидовна сделала эффектную паузу, – посудомойка есть, уже час сидит в моем кабинете – чай пьет. Я специально ее угостила, чтобы разговорить и поближе узнать. По-моему, хорошая кандидатура.

– Ну, это мне решать! – Рая почувствовала облегчение. Вопрос с грязными тарелками закрыт. Можно будет спокойно обдумать все свои проблемы. – Позовите ее ко мне.

– Да-да, конечно. – Анна Леонидовна с полуулыбкой выплыла из кабинета.

Через несколько минут на пороге появилась женщина-моль, вся в сером, с волосами цвета холодного пепла. Рая обменялась с ней двумя словами, быстро посмотрела паспорт и, увидев прописку в деревне Катки Можайского района, согласно махнула рукой.

– Приступай к работе сию минуту. Поначалу будешь мыть посуду, а там посмотрим. Официантки нормальные нужны. Чтоб быстро, весело, грамотно. Хорошо, ты почти московская, а то все из дальнего зарубежья. Зайди в бухгалтерию, там скажут, что еще надо.

Через час Вера гремела тарелками и шмыгала носом. «Получилось! Получилось! У меня это получилось! – больше она ничего не могла ни сказать вслух, ни подумать. «Главное, в этом подвале удержаться, пока деньги не начну зарабатывать». Вечером Вера ужинала необычно, но все-таки скромно, из-за суеверных соображений. На поменянные десять долларов она купила жареную котлету, батон хлеба, а на рынке торговцы дали немного мягких помидоров и яблок. Приняв холодный душ, она сидела перед свечой, неторопливо ела ужин и думала о том, как правильно поступила, обменяв свои серьги на медицинскую книжку. Именно этот поступок отделял ее от прочих обитателей площади Павелецкого вокзала, не позволял поставить на одну ступень с людьми, не имеющими возможности (или желания?) взять будущее в расчет. Они бы серьги пропили или проели. А она с самого начала не сомневалась, что выстоит. Слава богу, Рая никогда не узнает, что дома № 14 в деревне Катки Можайского района давно нет, он сгорел еще до того, как мошенники прописали туда ее, Веру, и с полсотни таких же бездомных.

На работе самым главным оказалось не грохнуться в обморок при виде выбрасываемой еды. Желание положить в рот кусок с грязных тарелок было велико. Вера однажды даже протянула руку, но тут же одернула себя. «Стоп. Я через две недели сама смогу купить себе мясо!» – эта мысль помогла преодолеть голодное искушение. Все душевные силы были брошены на то, чтобы ни в коем случае никто не заподозрил в ней пришельца из другого, маргинального, мира. Вера, привыкшая к тому, что она «не как все», не могла понять, что окружающим, поглощенным собственными проблемами, до нее нет никакого дела. К тому же занять плохо оплачиваемое и неприятное место посудомойки охотников было мало. Вследствие этого Вера никому не стала конкуренткой, а потому ее приняли без излишнего интереса, но дружелюбно. Ресторанный персонал практически целиком состоял из приезжих, которые, как водится, сдружи-

лись по национальному или географическому признаку. Повара держались особняком. Они приезжали на работу на приличных машинах, между собой разговаривали о разных гастрономических школах, кулинарных рецептах или обсуждали кулинарные телевизионные шоу. Само собой, каждый считал, что он бы вел передачу лучше, а рецепты все стары как мир и «еще бабушка это готовила». Хозяин ресторана, старик Ованесян, приветствовал инициативу в любых ее проявлениях, а потому повара раз в месяц удивляли гостей каким-то новым блюдом. Оленина с яблоками или рыбные биточки с трюфелями уже не были диковинкой, и шефы, поддерживаемые «сверху», иногда превращали кухню в опытную лабораторию, к большому неудовольствию Раи. Та любила порядок, отклонения от прописанных правил ввергали ее в раздражительную строгость.

– Девочка, ты не понимаешь, – говорил ей Ованесян, – повара как художники. Отними краски у последних, что им тогда останется делать? Правильно, заборы красить олифой. Так что терпи. У нас ресторан, а не забегаловка.

Вера, никогда до этого не сталкивавшаяся с кулинарными процессами в ресторанном масштабе, робко пыталась следить за всеми манипуляциями на кухне. Надо сказать, что повара обратили внимание на расторопную худую молодую женщину и взяли над ней шутовское шефство: то угощали кусочком пирога, то подсовывали рулетики с сыром – фирменная закуска ресторана – и не отпускали домой без апельсинов и яблок. Наблюдая за работой этих людей, Вера наконец поняла разницу между недорогими «едальнями» и добротным рестораном. Запахи на кухне были аппетитными, одежда поваров и их подручных не замасленная, подсобные помещения не хранили нечистоплотных тайн. Продукты, привозимые каждое утро, были свежими. Минималистский интерьер ресторана – плод долгих споров между хозяином и амбициозным молодым дизайнером – казался Вере, после всех ее скитаний, верхом элегантности и уюта. Уже ночью, закончив возиться с посудой, Вера проходила в пустой убранный зал, садилась на мягкий полукруглый диван и осторожно радовалась своему везению.

Через две недели Рая наведлась в моечную. До этого администратор устроила разнос официантам, бармену, осталось проверить кухню и охрану. Зайдя в моечную, Рая обнаружила идеальный порядок, несколько очень разумных нововведений и уставшую посудомойку. Вера носилась как угорелая: в ресторане шел очередной корпоратив. Вернее, подходил к концу. Уже все проорали здравицу в честь шефа, тот произнес проникновенный, ничего не значащий тост и откланялся, среднее управленческое звено уже слегка побило посуду и пыталось разъехаться, разделившись на давно сформировавшиеся пары. Рая устала: ей пришлось выдержать осаду немолодого заместителя, выпившего лишнего и в результате брошенного собственной женой. К тому же под горячую руку она рассчитала официантку Таню, умудрившуюся забыть о вторых блюдах. На такие уловки пускались в недорогих, «проблемных» заведениях, чтобы подзаработать. В ресторане Ованесяна это считалось преступлением, сравнимым только с обсчетом. Гость, не обнаружив перед собой осетрину в вине, сделал официантке замечание, но она, вместо того чтобы извиниться, огрызнулась. Рая видела и слышала это. И понимая, что все проблемы от усталости, тем не менее вынуждена была девушку прилюдно уволить. Так образовалась «дыра» в первой смене. За посудомойкой Рая наблюдала давно, правда, больше из опасения, что она тогда взяла ее на работу в сумрачном, убитом состоянии.

В моечной Рая устроилась на подоконнике и, закулив, спросила:

– Ну, как тебе здесь?

Вера, вся распаренная, вытирая до скрипучего блеска тарелки, искренне ответила:

– Спасибо, все очень хорошо. Я, по-моему, тоже пока вас не подвожу? Стараюсь успевать.

Рая наконец разглядела новую работницу.

– Тебе-то не тяжело? У тебя прямо-таки модельный вес. И бледная такая. Все-таки передышку себе давай. Время с одиннадцати до часа и с четырех до шести – более-менее спокойное. Посиди, чаю попей.

Она помнила, как сурово принимала Веру на работу. Не то чтобы Рая переживала о том, какое впечатление произвела на посудомойку, но все-таки хотелось, чтобы ее, администратора, воспринимали как адекватную особу. Тем более что даже с первого, самого неточного взгляда новенькая производила хорошее впечатление.

– Спасибо, я вроде не устаю. – Вере была приятна эта официальная забота. – Я лимон ем. Очень хорошо поддерживает силы.

– Лимон? Что, прямо без сахара?!

– Лучше без, берешь в рот ломтик и жуешь потихоньку.

– И действительно помогает? – Рая после всех, еще, кстати, не закончившихся ссор с Никитой по утрам вставала измочаленная. Даже если они не успевали поругаться по телефону, раздумья все равно лишали ее сна.

– Очень помогает. – Вера не стала уточнять, что этому ее научил бездомный художник Борис и что лимоны, подобранные на рынке, наверное, спасли ее прошлой зимой. – Попробуйте порезать и пересыпать сахаром. Тогда можно с крепким свежим чаем. Витамин С, сахар как источник энергии и чай – лучшее средство, которое согревает, расширяет сосуды.

«Господи, что же жизнь с людьми иногда делает?! А я еще жалуясь... Подумаешь, мужик ушел!» Рая поняла, что посудомойка – женщина образованная, умная, воспитанная. Об этом свидетельствовали ее речь, интонации, жесты. И не от хорошей жизни она устроилась сюда работать. Одежда на ней была с чужого плеча, сильно неновая. А однажды Рая перехватила Верин взгляд, когда на кухне выбрасывали отстатки еды. «Если бы она сюда не устроилась, неизвестно, что бы с ней стало». Растроганная чужими трудностями, которые были несравненно серьезнее ее собственных, и ухватившись за сочувствие к Вере как за сильнодействующее успокоительное, Рая сказала:

– Так, давай бросай. На завтра посуды хватит. Снимай халат свой, пойдем ко мне в кабинет, поужинаем.

Вера отказалась по нескольким причинам. Во-первых, она действительно была голодной и не хотела, чтобы кто-то это понял. Во-вторых, боялась любого проявления участия, поскольку в человеческое сострадание не верила: уж очень ненадолго людей хватает. Тогда, у Павелецкого вокзала, она видела, как приезжали благополучные люди, раздавали еду, одежду, но то была кампанейщина, порыв души, стремление совершить поступок, позволяющий хоть немного зауважать себя. Потом все заканчивалось: перевешивала привычная безмятежная жизнь. Поэтому Вера сказала:

– Спасибо вам огромное, но я лучше закончу и пойду домой.

– Не выдумывай, давай посидим. Что-то мне не по себе. – Это был правильный ход. Вера поняла, что Рае нужна компания и что ею руководит не только благотворительное сострадание.

– Хорошо, сейчас я приведу себя в порядок.

Обедали они не в кабинете Раи, а в отдельном маленьком зале для особо важных гостей. Там находился всего один стол с крахмальной скатертью и дорогими приборами. Солонка и перечница были серебряными, старыми. Рая заметила взгляд Веры:

– Красивые, сама покупала в антикварном. Серебро, царское.

– У нас такие были когда-то. – Вера помнила, что мама иногда хвасталась подобным наборчиком перед гостями.

– Ты с матерью живешь?

– Нет, мама давно умерла, я тогда школу заканчивала.

– Без родителей тяжело. Я вот уехала давно, а каждый вечер тянет позвонить.

– Ваши родители где?

– В Уфе.

Рая принесла из кухни еду: большие отбивные с картошкой и салат.

Конечно, Вера не чувствовала такого голода, который ее преследовал во время скитаний по городу. Но организм был истощен, и горячая жирная пища действовала опьяняюще. Вера по старым книжкам помнила описание этих ощущений, а сейчас они настигли ее. Но расслабиться до конца не получалось. Вере не очень удобно было без белого халата, в котором она мыла посуду: стало заметно, что брюки ей очень велики, а тонкий синтетический свитер в катышках. Из рукавов торчали бледные запястья. «Картинка для святочного рассказа!» – подумала Вера. «Слава богу, у Раи чем-то голова занята, может, не обратит внимание?!» Рая давно все увидела и искренне пожалела новую сотрудницу. Занятые едой, обе быстро освоились, Рая, достав из стоящего здесь буфета водку, налила себе и Вере по стопочке.

– Ой, нет, спасибо, я до дома не доеду. – Раскрасневшаяся Вера мягко отставила водку.

– Ну, как хочешь.

Рая водку выпила и через какое-то время завела разговор, которого Вера давно ожидала. Разговор о себе – не просто так ведь она ее позвала. Рая же, понимая, что откровенничать с почти посторонним человеком, подчиненной, – это безумие, тем не менее не устояла. Последнее время она ловила себя на желании поделиться горестями все равно с кем. Хоть с теткой в химчистке. Рае казалось, если она услышит банальное «Не говорите, все мужики уроды. Вот у меня самой...», станет сразу легче, как будто озвучивание проблемы превратит личную тайную трагедию в банальность, из-за которой и переживать-то не стоит. «Да эта Вера ни с кем и не общается, а если в конце концов распустит язык – уволю!» Стопочка водки сделала Раю решительной во всех отношениях. И, как часто это бывает у женщин, которым не терпится поделиться проблемой, разговор начался с общих мест.

– Почему принято считать, что женщине обязательно надо замуж?! Вокруг меня полно подруг, которые и слышать об этом не хотят. Посуди сама: целый день на работе, потом дорога с работы – это как вторая смена, а дома готовка, стирка.

Рая излагала истины женских журналов, а Вера спокойно ждала, когда же наконец прозвучит главная фраза. Вскоре она и прозвучала:

– Вот я, например, выгнала мужика! Ну сколько можно терпеть его вечернюю работу, – и тут Рая запнулась, поскольку ничего особенного от Никиты не терпела и ушел он сам, не выдержав гнета упрямой любовницы.

Вера искала подходящую к ситуации реплику, в глубине души страшно жалея, что согласилась на этот обед: откровенность начальства иногда чревата неприятными последствиями.

– Ну, выгнали, значит, больше не могли жить. Почему вы должны терпеть то, что вам не нравится? Вокруг столько людей, еще вам незнакомых, но хороших. Жизнь так стремительна, что позволить роскошь неудобства мы себе не можем, – Вера тщательно «отмеряла» слова, словно составляющие сложного лекарства.

Рая внимательно посмотрела на посудомойку. «Недаром я ее сразу выделила. Не ошиблась: она просто попала в беду и так оказалась здесь. Расспрашивать ее нельзя – только хуже сделаешь. Вон как она стесняется своих рукавов и ботинок. Ботинки, по-моему, вообще мужские. А что касается «роскоши неудобства», так тут она права. Я же чувствовала, что Никита через силу все делает. Неинтересно ему со мной было. Но признаться в этом даже сейчас трудно. Права она и в том, что время идет и страдать впустую уже некогда, годы мои не те. Замуж надо. И не за молодого, как Никита, а за ровесника. Например, Кошелев, ему сорок скоро будет, семь лет разницы – идеально. Но так, сразу, все эти три года вычеркнуть невозможно...»

– Ты кофе будешь или чай?

– Кофе, если можно.

Пока они пили кофе, Рая в уме пыталась найти слова, которые не обидели бы Веру. Рая хотела предложить ей свои джинсы и сапоги. Джинсы Рае давно были малы, а сапоги, совсем новые, она не носила, поскольку предпочитала каблук, их прислала мама из Уфы – добротные,

на устойчивой плоской подошве. Рая укрепилась во мнении, что новая работница очень отличается от остальных: в ней, несмотря на старую, почти мужскую одежду, ощущалась какая-то благородная сила и целеустремленность. Целеустремленность не приезжих, которым неважно, где работать, лишь бы получать деньги, а желание достичь своей, одной-единственной, выбранной давным-давно цели. Рая вдруг пожалела, что так и не поступила в медицинский институт. Она всегда хотела заниматься психологией. Но, попав в Москву, смалодушнича и пошла не в институт, а туда, где ей предложили хорошие деньги. «Эта бы голодала, но институт закончила бы». Рая посмотрела на раскрасневшуюся Веру.

– Вот это другое дело, ты как будто ожила, – Рая улыбнулась. – Значит, так. Давай присматривайся к тому, как работают официанты. Тебя в посудомойной держать – непозволительная роскошь. С людьми работать у тебя получится. Я сейчас опять объявления дам, как только замену найду, переведу тебя в официанты. Согласна?

Вера сейчас была согласна на все. И даже не по причине сытости, легкого головокружения и недосыпания. Она вдруг поняла, что стала КАК ВСЕ. Ей могут предложить работу, с ней разговаривают, прислушиваются к ее мнению. Благодарность к Рае заполнила ее.

– Спасибо огромное. Вы поддержали меня. У меня сейчас тяжелые времена. – Вера посмотрела Рае в глаза спокойно и открыто. – Вы даже не представляете, как мне помогли.

– Перестань. Ну, в конце концов, кто-нибудь кому-нибудь помогает же на этом свете. Не все ведь на Господа уповать. Ты, кстати, тоже помогла. Татьяну я уволила. И мне надо было с кем-то поговорить. С подругами нельзя: за спиной сплетничать будут, да и злорадствовать. Мол, мы тебя предупреждали...

Вера и Рая расстались, и у обеих было очень хорошо на душе. Рая, получив неожиданную поддержку своим давним тайным опасениям, что она теряет время с Никитой, расправила плечи и, стараясь не обращать внимания на внутреннюю скорбь, ставила перед собой задачи по обоощению Кошелева. Она, конечно, им безрассудно пренебрегла. Вера была счастлива от перспектив. Официантка – это уже совсем другое дело!

Через две недели Рая позвала Веру в кабинет.

– Вот, возьми. Эта часть денег. Следующие получишь через две недели. Иногда мы задерживаем, но не больше, чем на день-два.

Администратор протянула конверт. Над этими первыми деньгами Вера тряслась и перепрыгивала их несколько раз, хотя это и были сущие копейки. А еще в ней зародился страх, что ее могут уволить или просто не заплатить. Она мучилась этим долго, а потом подошла к Рае.

– Если надо, я еще могу какую-нибудь работу выполнять. – Вера стремилась стать необходимой.

– Присматривайся к официантам. Если ничего не случится – переведу тебя. Официантки в ресторане – слабое звено: либо медленно работают, либо недостаточно услужливы, либо обманывают. Да и скакать из ресторана в ресторан любят.

Рая все больше и больше убеждалась в том, что Веру надо переводить в зал, а еще лучше на работу во время банкетов. В ресторане банкеты заказывались лицами состоятельными, требования к обслуживанию предъявлялись высокие. Главным здесь было умение сглаживать конфликты разгоряченных гостей. Вера, по мнению администратора, с этим справилась бы запросто.

У обеих женщин уже вошли в привычку разговоры по вечерам, когда ресторан закрывался и все сотрудники расходились. Вере, понятно, спешить в свой подвал не хотелось, а у Раи появилась потребность делиться своими личными проблемами. Она точно знала, что новая подруга все сохранит в тайне.

Теперь больше всего Вера любила то время, когда она заканчивала работу и выходила на улицу. Еще несколько недель назад толпа и она были как жир и вода, субстанции, не взаимодействующие друг с другом, совсем недавно она готова была забиться в любую щель, чтобы

не показывать свой позор нищенства, грязи, неприличных запахов – всего того, что женщиной переносится гораздо тяжелее, нежели мужчиной. Сейчас же Вера, ставшая частью города, имела внутреннее право спокойно и уверенно смотреть в глаза прохожим. Она подолгу стояла перед витринами, заходила в магазины и бесцельно перебирала висящую там одежду, иногда что-то примеряла, с удовольствием глядя на себя в зеркало.

– Простите, вам не кажется, что этот костюм меня полнит? – Вера иногда вступала в разговоры с покупательницами, и та готовность, с которой они откликались, служила индикатором ее нормальности и соответствия этой жизни.

– Что вы, у вас фигура модели! – Этот ответ Вера слышала чаще всего. Он ей нравился. «Хоть какая-то польза от моих скитаний».

В продуктовых магазинах она бродила с тележкой, рассматривала яркие упаковки, советовалась по поводу сливочного масла, сои и импортной картошки. Все эти действия были прежде всего пробой новой для нее жизни на вкус, привыканием к людям и утверждением себя как нормального человека. Она училась быть такой, как все. Эти ее первые шаги в нормальную жизнь оказались тяжелы из-за постоянной внутренней конспирации – Вера больше молчала, если с ней заговаривали, отвечала коротко, боясь сказать о себе что-либо лишнее. (Как бы люди поступили, если бы узнали, что она все еще живет в подвале?!) А прекрасны эти шаги были, поскольку проявление силы духа никогда не бывает уродливым. Двойственность положения, необходимость обманывать окружающих заставляли Веру держаться на работе одиноко, не входя ни в какие дружеские союзы. И тем не менее она пришла там ко двору благодаря спокойному, непоказному трудолюбию, отсутствию злости и духа соперничества.

Хрупкое везение этих дней нарушилось только однажды. Вечером Вера повстречалась с крысой в своем подвале. Та ничуть не испугалась, посмотрела на соседку, затем повернулась к ней спиной и лениво поковыляла прочь. На следующее утро Вера выпросила на работе отраву, при помощи которой приводили в порядок ресторанные закоулки. Эту отраву она разложила по периметру своего жилого пространства, но крыса, обладающая интуицией политологов и опытных царедворцев, больше не показывалась. А банка с отравой теперь всегда стояла у Веры наготове.

Через три месяца Вера Александровна, в прошлом учительница английского языка, лишившаяся всего, что у нее было, в результате обмана, перешла из посудомоек в официантки. К этому моменту она почти перебралась из своего счастливого подвала. Вера уже договорилась с хозяйкой двухкомнатной квартирки на окраине Москвы, что снимет у нее маленькую комнату. Женщину звали Александрой Тихоновной. Когда Вера приехала к ней в первый раз, та мыла окна. Попросив подождать, она пыталась дедовским способом, то есть скомканной газетой, протереть стекло до блеска. Стекло уже скрипело, но на солнце все равно были видны разводы.

– Да что ж это такое выпускают?! Полдня на одно окно уходит! – Тетка, сдвинув очки на кончик носа, принялась штудировать надпись на бутылке с жидкостью для мытья стекол.

– Уже ничего не сделаете. Сейчас лучше всего взять махровое полотенце, слегка смочить уксусом и протереть стекло. – Вера это знала по ресторанному опыту.

Через какое-то время окно блестело, а тетка, довольная, сидела и пыталась выведать у будущей жилички все, что только возможно. Потом потребовала паспорт.

Изучала она его долго, для верности даже два раза меняла очки, но штамп деревни Катки ее устроил, скромный вид квартирантки тоже. Они договорились, что за комнату Вера будет должна сумму, равную ее теперешнему заработку, и влажную уборку квартиры раз в неделю. Одним словом, хозяйка оказалась не промах. Но Вере было удобно по прямой добираться до работы и понравилась чистота в доме. Что же касается того, что она опять осталась без денег, то этого обстоятельства она больше не боялась. С голоду не помрет. Главное – у нее есть место жительства, и слово БОМЖ к ней отношения больше не имеет. Накануне переезда Вера пере-

стирала все свои вещи в холодной воде, ночью их высушила на морозном воздухе. Следующий день был выходной, и Вера воспользовалась им, чтобы переехать. Она собрала вещи, последний раз посидела на топчане и повздыхала. Видимо, как только настоящее становится прошлым, оно приобретает статус фамильных драгоценностей, то есть тех предметов, перебирая которые мы грустим, размышляем и предаемся воспоминаниям. Напоследок Вера по-хозяйски завалила строительным мусором вход в подвал, как будто резервировала его за собой.

... – Это что, все? – Александра Тихоновна осуждающе посмотрела на две старые сумки с вещами Веры.

– Ну зачем мне по электричкам тяжести таскать, понадобится что-нибудь – домой съезжу, – вывернулась та.

Первая ночь на настоящем диване, горячий душ и деловитая поездка в набитом вагоне метро на работу – все это стало самой лучшей наградой Вере за ее упорство. Впервые она, войдя в ресторан со служебного входа, громко засмеялась, услышав шутку охранника Паши, похвалила новую прическу официантки Иры и не отказалась выпить с коллегами кофе. Ее настроение не омрачало даже то, что хозяйка, Александра Тихоновна, первое время следовала за ней по квартире буквально по пятам. «Думает, наверное, что душ откручу и продаж на барахолке». Вера совсем не обиделась на старикинскую подозрительность, чем и подкупила старуху.

– Завтракать вместе будем. Я рано встаю, пока ты собираешься, чай сделаю, бутерброды, – сказала через неделю Александра Тихоновна. – А вечером блинов напеку. В ресторане вашем таких делать не умеют.

Вера поблагодарила ее, а про себя подумала: «Вот, почти семья у меня есть». Александра Тихоновна производила впечатление старухи одинокой, несмотря на множество современных фотографий в серванте.

Когда-то Вера любила Артура Хейли. Даже пробовала читать в подлиннике, на английском языке. Закулисье распространенных профессий – беспроектный способ вызвать читательский интерес. Все-таки любопытно знать, на чем обычно жарят в ресторане мясо. Хотя, как говорила героиня известного фильма, зачем вам знать то, что совсем не надо знать?! Поэтому кухня, и в прямом, и в переносном смысле, ресторана, где работала Вера, ее ничуть не удивляла. Она уже научилась распознавать клиентов «опытных» (те заказывали чаще всего банкет порционно – то есть каждому гостю подавалось отдельное блюдо) и неопытных, которые просили, например, сервировать на одном блюде рыбные закуски на пять персон. Во всех ресторанах без исключения это был повод сэкономить. Размер экономии зависел от степени сознательности, жадности и страха сотрудников. Вера уже понимала, что статья дохода от спиртных напитков – святая святых, куда не имеет права вмешиваться никто. Это вотчина самого Ованесяна и Раи.

То, как владелец руководил рестораном, ей нравилось. Проблема была только в ее, Веринной, прямоте. Она не могла советовать гостям то, что сама бы никогда не стала есть. К счастью, этих ее демаршей никто не замечал, а клиенты, удивленные честностью официантки, оставляли приличные чаевые. Вера вообще очень выделялась из ресторанного коллектива. Она просто и с достоинством держалась, говорила хорошим, правильным языком. Могла поддержать беседу, пошутить и при этом не выйти за рамки обслуживания. Рая ею была очень довольна. К тому же Вера соглашалась выходить в любую смену, заменять прогульщиц и вообще была готова проводить в ресторане день и ночь.

После одной истории Рая предложила подруге стать ее заместительницей. А дело было так. Группа иностранцев уже сидела за столом минут сорок и никак не могла определиться с выбором. Гости пили воду, сок, попросили принести водочки и закусок, а с горячими блюдами все медлили. Наконец обслуживающая их Ира задала вопрос напрямик, ткнув пальцем в толстую кожаную папку. Посетители загалдели, посоветовались между собой и в ответ так

же ткнули пальцами в две строчки, но при этом задавали какие-то вопросы, показывая на одного из гостей. Ира, не знающая по-английски практически ни слова, переводила растерянный взгляд с одного на другого, а потом, отчаявшись, утвердительно кивнула головой. Мол, йес, йес. Гости удовлетворенно переглянулись, и Ира радостно понеслась на кухню требовать два самых дорогих блюда. Через полчаса она внесла дымящиеся тарелки, расставила на столе и выдавила из себя заученное и перепутанное: «Good appetit!» Еще через десять минут один из гостей, красно-синий, валялся под столом, хватая ртом воздух. В дорогом и красивом блюде содержалась приправа, которую бедняге категорически нельзя было есть. Вера в это время только-только зашла со служебного входа (она работала во вторую смену). Рая отлучилась на час – в очередной раз выяснить отношения с Никитой. В ресторане погибал клиент, но никто не знал, что делать, и даже «Скорую» вызвали не сразу. Помнили наказ начальства «не выносить сор из избы». Вера, как была, в пальто примчалась в зал, расспросила друзей несчастного, потребовала ложку жженого сахара, стакан теплой воды и таблетку супрастина. Когда приехали врачи, англичанин писал на визитке все свои координаты, приглашая Веру в гости. Прощаясь, он сказал, что решил назвать ее именем ребенка, который родится через три месяца.

– А если будет мальчик? – засмеялась Вера.

– Девочка, мы уже знаем! – сообщил счастливчик.

В роли заместительницы администратора Вера проработала недолго. Рая, измученная своими отношениями с Никитой, который за все это время два раза возвращался и снова уходил с криками и оскорблениями, стала опаздывать на работу, брать отгулы в самые горячие дни, перекладывать решение вопросов на Верины плечи. Несколько раз администратора заставляли в кабинете с коньяком. Вера не единожды ее спасала: прятала в подсобке, а потом отправляла на такси домой. Когда хозяин ресторана спрашивал о Рае, Вера врала о санэпидемстанции, пожарных и прочих ведомствах, которые срочно пришлось посетить администратору. Но однажды в неурочное время в ресторан заехала жена Ованесяна, потребовала хороший обед на четыре персоны, а в ответ была послана раздраженной и решившей уже уволиться Раей. Так администратором стала Вера. Сначала она хотела было отказаться. Но потом вспомнила площадь Павелецкого вокзала и, извинившись по телефону перед Раей, приступила к новым обязанностям.

Прошло три года. За это время Вера Александровна из худенькой, замученной женщины превратилась в приятную, с мягкими формами даму. Она подстригла пепельные волосы, сделала короткую стрижку. Жила по-прежнему там же, у хозяйки двухкомнатной квартирки. Женщины подружились.

– Почему ты замуж не выходишь?! Время свое прогуляешь! И что делать потом будешь? Да ты и не гуляешь? Неужели никто не ухаживает? – Александрой Тихоновной двигало участие со стариковским любопытством вместе.

Вера долго отмалчивалась, а потом поведала о своей любви, безответной, которая в один миг стала «ответной». Эту историю Александра Тихоновна обожала и, задавая одни и те же вопросы, заставляла Веру пересказывать все заново. Она и сама с удовольствием вспоминала те, как теперь понимала, очень светлые дни.

...Кто мог подумать, что жизнь тогда способна была измениться вместе с цветом волос. А волосы стали ярко-рыжими. «Пусть кто-нибудь попробует сказать, что я – девушка-моль!» – двадцатипятилетняя Вера вздохнула и принялась убирать следы парикмахерского безумства: коробки с краской, щеточки, использованные перчатки. Сегодня на рынке она истратила кучу денег, и все для того, чтобы завтра пройти по школьному коридору, заглянуть в учительскую, забрать там журнал и целый день просидеть у себя в кабинете английского языка. Но траты окупятся в одно мгновение, если Вера повстречает ЕГО. Он – это учитель истории в старших классах со смешной украинской фамилией Початых. Початых был обладателем не менее забавного

отчества – Онуфриевич. Спасало положение только имя. Оно было коротким, как выстрел, – Ким. Можно себе представить, как самозабвенно упражнялась в остроумии вся школа. Только Кима Онуфриевича Початых это абсолютно не трогало. Он с неторопливой малоросской гордостью нес свое большое тело в дорогом костюме, его путь от входа в школу к учительской и от учительской к кабинету истории был окутан благовониями истинно французского происхождения. Дальний родственник Початых жил во Франции, и запасы хорошего парфюма у историка, казалось, не иссякнут никогда. Вера, сидевшая в соседнем кабинете, наслаждалась запахами и грезилась о своей любви.

Получив аттестат зрелости, девушка школу не покинула. Она устроилась работать лаборанткой в кабинет физики, поступила в институт иностранных языков на заочное отделение. К двадцати пяти годам Вера, получив диплом, стала преподавательницей английского языка, а также подрабатывала экскурсиями по Москве и Золотому кольцу. Она по-прежнему была безнадежно влюблена в Початых. Что касается любви, то безнадежная любовь стала ее уделом давно. В детском саду она дружила с мальчиком Ратмиром, который постоянно бил девочку ведерком с песком. Мамины уговоры не подходить к хулигану не действовали – Вера ходила с синяками вплоть до утренника, на котором они прощались с детским садиком. В школе Вера влюбилась в самого красивого мальчика, которому к пятнадцати годам надоели одноклассницы, и он переключился на студенток. Откуда бы Вера ни шла, она упрямо делала большой крюк, чтобы пройти мимо его дома, и каждый раз девочку ждало разочарование: то на балконе его квартиры курила какая-то девица в легком халатике, то сам объект любви появлялся из подъезда под ручку с очередной обладательницей короткой замшевой юбочки. Когда Вера училась в десятом классе, мама пребывала в легкой панике, поскольку отличница-дочь, не сбавляя темпов подготовки к экзаменам, умудрилась влюбиться в старшего сына их друзей. Этот парень относился к Вере как брат к младшей и немного глуповатой сестре – то есть максимум, на что могла рассчитывать девушка, так это на легкое подергивание за косу. Потом последовали вечеринки, поздние киносеансы, загадочные путешествия в Ленинград. Ее длинная пепельная коса пропиталась запахом сигаретного дыма, юбки стали короткими, каблуки высокими. Но мама волновалась зря: вся бурная жизнь Веры сводилась к посиделкам с подругами, выкуриванию двух-трех сигарет и бесконечному обсуждению мальчиков. Иногда девушки уезжали на экскурсию, там опять сплетничали, немного курили и, ощущая себя очень взрослыми, возвращались под родительское крыло.

Первый год в институте был самым тяжелым: умерла мама. Отец Веры давно жил с другой семьей где-то в Крыму, они никогда не перезванивались. После смерти мамы девушка осталась одна в трехкомнатной квартире, по которой бродила озадаченная предоставленной ей свободой и одиночеством. Как оказалось, эти два состояния, свобода и одиночество, могут регулировать друг друга. Верино одиночество не позволяло свободе бесконтрольно диктовать условия и идти на поводу всяких чужеродных веяний. Образ жизни девушки в точности повторял ее жизнь при маме. Любое отклонение Вере казалось преступным, нарушающим все клятвы, данные у гроба.

Время клятвы, однако, отредактировало. Теперь порой она утром в халатике варила кому-то кофе, иногда соседи собирались пожаловаться на громкую музыку, но это были лишь эпизоды. Жизнь Веры, по сути, не менялась. Девушка была одинока, отношений, которые ее бы захватили, заставили забыть о подругах, работе, экзаменах, не появлялось. Сплетницы в учительской уже перемыслили ей все кости и поставили клеймо «старая дева». Никто не знал, что недавно Вера пережила несколько тревожных недель и уже позвонила подруге-гинекологу, но, слава богу, все обошлось, а три месяца назад девушка, попробовав впервые в жизни абсент, целовалась на кухне с подругой своей подруги – спортсменкой из института физкультуры. Потом эта спортсменка оборвала ей телефон, но Вера, все хорошо помнившая, несмотря на выпитое, очень вежливо дала понять, что ждет настоящей любви, в брюках. «В мужских брю-

ках», – уточнила она. «Хочешь, надену мужские?» – собеседница была настырна, но Вера так умела повести разговор, что оппонент капитулировал, ничуть не обидевшись. На этом грехопадения закончились. Вера влюбилась в Початых, и весь мир сузился до третьего этажа школы, где соседствовали кабинеты истории и английского языка.

Самым большим испытанием для Веры были уроки в старших классах. Особенно, если эти уроки вел Ким Онуфриевич. У всей школы была свежа в памяти свадьба преподавателя физики, который женился на своей вчерашней выпускнице. Это оказался третий брак учителя – распавшийся второй оставил в одиночестве такую же выпускницу, только на пять лет старше нынешней. Тетки в учительской злобствовали. Вера, знавшая выпускные классы, в уме прикидывала, кто же может понравиться Початым. Некоторые наблюдения подсказали, что если у кого и есть шансы, так это у Коноваловой, рыжей высокой девицы, которая имеет обыкновение громко смеяться, обнажая оскал белоснежных ровных зубов. «Господи, таким и «Блендамед» не нужен!» – с завистью бросила однажды химичка, почти не разжимая рта. Вся школа давно знала, что у той отсутствует правый клык. Но химичке на тот момент надо было выбирать: или протезирование, или поступление старшего сына в вуз. Соображения о Коноваловой и толкнули Веру с утра на рынок за недорогой краской для волос, а затем и на химические опыты в ванной. Результатом девушка была довольна. Свои пепельные волосы ей надоели, она сама себе казалась блеклой и неинтересной. «Вот теперь не захочешь, а обратишь внимание!» Вера помотала головой, и по ванне забегали апельсиновые блики.

...Звонок после пятого урока прозвенел неожиданно. Верин класс впопыхах дописывал сочинение на беззловонную тему «Времена года». Вообще-то по плану должна была быть новая тема: «Роль истории в произведениях Льва Толстого». Но Вера, озабоченная тем, что уже заканчивается рабочий день, а Початым еще не видел новый цвет ее волос, заставила учеников трудиться над сочинением, а сама поминутно выходила из класса в надежде встретить возлюбленного. Ее променады ничем не закончились. «Так, ладно, сейчас ребят выгоню, дверь оставляю открытой, встану на стол и буду мыть стекла на портретах. Ну выйдет же он из своего класса. Вот и увидит меня. Заинтересуется, что это я делаю. Зайдет...» Вера отчаянно искала выход из положения. Ученики сдали тетради и, гогоча, рассыпались по школе. Дверь в кабинет истории по-прежнему была закрыта. Вера, как цапля, уже двадцать минут стояла на стуле и елозила сухой тряпкой по лику Шекспира. Наконец послышался стук открываемой двери, девичий хохот, сопровождаемый солидным баском, заполнил почти пустой третий этаж.

– Девушки – история, это вам не математика. Здесь думать надо. Формул готовых нет. Все подчиняется анализу, все в динамике, все многоступенчато и многообразно. Из этого многообразия выбираем факты, систематизируем и получаем... – Початым, распространяя запах туалетной воды, кокетничал со старшеклассницами.

– Ким Онуфриевич, а вы на вечере будете? – девушек волновало не многообразие фактов, а возможность пофлиртовать.

– Нет, вряд ли. У меня лекция в институте еще.

– Ой, жаль, приходите: и потанцуем, и об истории поговорим, – девицы, подбадриваемые своими одноклассниками, только что не прыгали вокруг учителя.

– Ну, посмотрим, посмотрим... – Початым с довольной улыбкой наконец выпроводил всех из класса. В этот момент в открытой двери соседнего кабинета историк увидел стройные ножки своей коллеги. Ножки были загорелые, вокруг них развевалась широкая оранжевая юбка с белыми и черными цветами.

– Вера Александровна, что ты делаешь там, наверху? – Початым подошел к двери, увидел Веру, полирующую портреты английских классиков, и охнул: – Вот это да! Какая бестия! Класс!

– Ты что, Шекспира никогда не видел? Впрочем, у нас его тут и не узнать: весь мухами засижен. – Вера Александровна с усердием продолжила свое занятие.

– При чем тут Шекспир?! Я о тебе. Здорово тебе так. Слушай, Вер, слезай со стола, покурим в классе – уроки закончились, можно вздохнуть спокойно. Тебе помочь?

Початых подошел к ней ближе, протянул руки, и Вера прямо-таки соскользнула в его объятия. Все шло по плану! Даже еще лучше!

– Собираешься куда-нибудь? – прикуривая сигарету, Початых кивнул на ее прическу.

– Да нет, так, эксперимент. – Вера сидела нога на ногу. Она хотела добавить, что в порядке эксперимента еще и без нижнего белья. Но подумала, что это прозвучит глупо. А потом, мужика так и напугать можно.

– Май теплый какой. А тут экзаменов пропасть. – Початых всегда был во всех комиссиях, его прочили в директора школы, и он для вида очень любил постонать и пожаловаться на загруженность.

– Ну и что? Месяц какой-то, а там уже все. – Вера решила завести разговор об отпуске. По школе ходили слухи, что Початых собирается на все лето в Лондон. Судачили, что не один.

– Да, уж, скорей бы. Тяжелый год был.

– Куда летом поедешь?

– В Лондон. Уже все оформил. До сентября. – Початых самодовольно пожал плечами.

– Счастливый. Во сколько тебе это обошлось? – у Веры сжалось сердце. Надежды на летние встречи рухнули.

– Ой, Вер, не спрашивай. Такие планы домашние были, а потом думаю, ну их, поеду, это же все-таки Лондон!

– Наверное, ты прав, – Вера еле смогла сдержать досаду.

– Слушай, ты классно выглядишь. И платье это тебе так идет. – Початых только сейчас открыто и оценивающе посмотрел на Веру. Под легкой тканью он увидел грудь, аккуратную, ничем не сдерживаемую. Босоножки с тонкими ремешками Вера сбросила, и ее узкие загорелые ступни с ногтями, покрашенными морковным лаком, выглядели вызывающе и очень аппетитно. «Черт, она с этими волосами просто преобразилась!» Початых почувствовал, что ему совсем не хочется идти к себе в класс и копаться в самостоятельных работах. Занятия уже закончились, школа была полупустая. Вера, судя по всему, никуда не спешила.

– Сил нет идти. Чаю, что ли, попить? Я сейчас конфеты принесу, а ты поставь чайник.

У каждого классного руководителя были чайник, конфеты и печенье. Как директор школы ни орал по этому поводу, сделать он ничего не мог. Вера открыла железный сейф, воткнула вилку в розетку, щелкнула кнопкой. «Господи, да как бы не сглазить!» – думала она, расставляя чашки. У нее была красивая посуда и всегда имелись разные вкусности. Правда, коллегам женского пола они не предлагались. Вера давно мечтала о таком вот моменте: чаепитии наедине с историком. К сожалению, сливочная помадка в ожидании этого события окаменела – не укусить. «Он историк, ему с окаменелостями привычно работать!» – подумала Вера и все-таки выложила помадку в маленькую плетеночку.

– Мать, какая ты хозяйственная! Знал бы, всегда б к тебе чай пить ходил. Ну, с конфетами, разумеется. – Початых поставил на парту огромную овальную коробку.

«Да она о-го-го сколько стоит!» – Вера знала эти трюфели: ее класс такие конфеты преподнес ей на Восьмое марта в прошлом году.

– Ты знаешь, что я думаю? – Они уже пили чай, причем Початых сел напротив Веры так, что его ноги постоянно задевали ее.

– Я не знаю, что ты думаешь, но вот лапы ты мне отдавишь! – Вера поджала ноги и подлила себе чаю.

– Извини. – Початых для вида дернулся, но позу не изменил. – Я думаю, что нам с тобой надо наши классы куда-нибудь свозить. Конец года, все равно мероприятие придется устраивать какое-нибудь. Это или кафе снимать, или в школе в актовом зале все проводить. Геморроя

сколько, сама знаешь. А что, если мы их, например, в Суздаль свозим? Ты экскурсии проведешь, двух родителей-активистов возьмем. Заказ автобусов и гостиницу я на себя беру.

Вера закашлялась. Фортуна сегодня явно оказалась пьяна. Развитие событий превзошло все ожидания.

– Даже не знаю. Поездка с ночевкой может дорогой кому-то показаться. Боюсь, не все согласятся. Надо подумать, – Вера изобразила сильное сомнение.

– Не грузись. Давай объявим и посмотрим. Слушай, я даже не думал, что серые глаза и рыжие волосы так сочетаются. – Початых действительно все время ее разглядывал. Как кот. Только что не облизывался.

Вера подняла брови:

– Я так уже ходила, просто мы с тобой, наверное, в эти дни не пересекались.

– Жаль, люблю рыжих. – Початых перегнулся через парту и очень ласково дернул ее за ушко.

Через неделю классы гудели, учительская шипела, а Вера Александровна Селезнева порхала, словно эльф. Початых Ким Онуфриевич развил бурную деятельность по организации экскурсии для двух выпускных классов. Как выяснилось, поедут все. Несмотря на немаленькие цены. Мероприятие расценивалось как прощание с детством, школой, друзьями. Ребята сдавали деньги, родители благодарили учителей за инициативу, Початых каждый день теперь приходил к Вере в класс, и они без усталости обсуждали детали путешествия. Химичка, правда, в учительской намекнула, что за закрытыми дверями кабинета английского языка происходит кое-что еще. Но, кроме слов, доказательств не было никаких, и весь коллектив стал внимательно следить за парой инициативных классных руководителей. Каждый день кто-нибудь без стука врвался к Вере в кабинет, а потом с ласковыми извинениями пятился назад:

– Бога ради, Вера Александровна, простите, ищу Петракова. Ах, и вы здесь, Ким Онуфриевич! Еще раз извините.

Вера с Кимом переглядывались, и Вера каждый раз говорила:

– Ты на мне должен теперь жениться. Как честный человек.

На что Ким отвечал:

– А может, и женюсь.

Домашние вечера теперь были наполнены смыслом, какой-то праздничной суетой, мечтами и долгим курением за чашкой кофе. По мнению Веры, жизнь развивалась красиво, осмысленно, без неприятных коллизий. Початых за ней ухаживал – сомнений в этом никаких не осталось после того, как он позвонил ей домой и предложил подвезти утром в школу. Надо учитывать, что свое рабочее место Вера могла видеть из кухни, а распоряжения иногда отдавала, высунувшись в окно: до школьного двора было метров пятьдесят. На предложение Кима она рассмеялась, но сделала ответный ход:

– Слушай, если будешь рядом, не завезешь мне кефир? Устала сегодня – сил нет в магазин идти.

Этой самой фразой она перевела их отношения из дружеско-рабочих в дружеско-домашние.

Початых и кефир были у нее дома около восьми вечера. Кроме кефира, Ким привез коробку конфет, бутылку красного вина и батон докторской колбасы. Подавая колбасу, он извиняющимся тоном сказал:

– Слушай, сделай бутербродов: я голодный как собака. За целый день не успел даже булку сожрать.

Вера усадила Початых за план экскурсий: пусть выберет подходящие, – а сама принялась готовить ужин. «Интересно, как сейчас с ним себя вести? Форсировать события не хочется – вдруг впросак попаду. Может, он только из-за поездки такой внимательный?» – Веру этот

вопрос мучил давно, но она понимала, что ответ на него получит по истечении какого-то времени.

– Так, давай ужинать! – она накрыла стол, достойный званого обеда.

– Вер, ты с ума сошла! А как же моя диета? – Все знали, что Початых периодически голодает. Комплекция его отличалась внушительностью, до определения «толстый» было рукой подать.

– Дома про диету вспомнишь. А в гостях есть надо. – Вера щедро положила ему салата оливье и мясо.

– Дома такая тоска. Не поверишь, я прихожу и включаю все разом: телевизор, радио, компьютер. Все это говорит, говорит, говорит и показывает! Вроде как не один.

– Ты на жалость не дави. Плохо было бы одному – давно женился бы! – Вера не любила эти притворные жалобы: она-то знала, как мерзко вечером в пустой квартире. Но ее одиночество не добровольное.

– Вера, ты как наши тетки в учительской. Все знаешь, обо всем судишь, во всем уверена. Они тоже так считают. Думают, что я закоренелый холостяк, вожу домой баб и больше мне ничего не надо.

– А тебе надо? – Вера удобно, с ногами, забралась в кресло.

– Надо. Сейчас не хочется говорить об этом. Тема сложная, не для такого вечера. Да и устал. Не обижайся. – Початых закурил вслед за Верой. – Ты-то почему замуж не выходишь? – как всякому мужчине, Киму не пришло в голову, что он ставит визави в идиотское положение. В самом деле, жаловаться Вера сейчас не станет, врать, что не хочет замуж, тоже как-то глупо. Потому что она хочет. И конкретно за него, за Початых.

– Вот свой десятый класс выпущу и сразу замуж! – Вера надеялась, что собеседник оценит шутку.

– Что, правда?! Кто-то на примете?! – Ким выпрямился в кресле. Вера совершенно отчетливо увидела, что он неприятно удивлен.

– Початых, я шучу. Неужели не понятно?

– Кто тебя знает. Я иногда вас, баб, категорически не понимаю... – Ким с облегчением откинулся в мягком кресле.

Оставшийся вечер они провели за просмотром общественно-политических программ, обсуждением курса доллара и сплетнями о персонах гороно. Уехал гость совсем поздно, когда у Веры уже слипались глаза, а в живот врезался пояс джинсов: они с Кимом за вечер выпили два чайника чая. За мытьем посуды усталая Вера пришла к выводу, что семейная жизнь, наверное, штука хорошая, но очень утомительная. После душа, лежа под легким одеялом и рассматривая на потолке блики от светящейся рекламы, она подумала, что эта купленная на рынке рыжая краска оказалась необыкновенно удачной. Во всех отношениях.

Май с его отвлекающим всеобщим цветением пролетел незаметно. Июнь вел свой экзаменационный календарь: от русского к алгебре, от истории к литературе. Вот и казалось, что в месяце всего четыре дня, а остальное – ночи для зубрежки. Вера и Початых практически не расставались. Организация экскурсии для школьников требовала столько внимания, тщательности и предосторожности, что в какой-то момент Вера даже пожалела, что согласилась на эту авантюру. А тут еще родители забеспокоились, дескать, не мало ли взрослых на такую ораву. Их по плану было четверо: Вера, Ким и двое родителей. После долгих обсуждений и споров было решено, что с ними еще поедет приятельница Веры.

День отъезда как назло выдался дождливым. Вера с утра набегалась по школе: постоянно выяснялось, что чего-то не хватает. Ким Онуфриевич не волновался, солидно отдавая последние распоряжения. Наконец примчался последний ученик, всех пересчитали, и два больших автобуса, заурчав и вызвав у провожавших приступ зависти, покинули школьный двор.

Москва закончилась быстро, так же быстро ребята утомились орать песни, есть конфеты и пить воду. Сделав одну остановку недалеко от МКАД, путешественники вырвались на трассу и уже на большой скорости двинулись в сторону Владимирской области. Вера сидела в первом ряду у окна, смотрела на летние пейзажи и пыталась понять себя. «Интересно, куда я еду? И что значат все эти события последних недель? Постоянные звонки, провожания домой, мелкие и крупные знаки внимания?» Так всегда бывает: как только мечта приблизилась к тебе и ты можешь разглядеть ее голубые перья, она уже не кажется столь желанной. Неотвратимость долгожданного грядущего рождает сомнения в его безобидности.

Ким ехал в другом автобусе и думал о том, что влюбился в Веру. Нравилась девушка ему давно, да только, памятуя о нравах их «вороньей слободки», как Початых про себя называл учительскую, он боялся своими ухаживаниями сделать ее объектом бабского злословия. А еще ему казалось, что он не может понравиться Вере, изящной, одевающейся со вкусом и умеющей всегда себя подать. Ким все эти годы с напряжением ожидал, что девушка выскочит замуж за кого-нибудь из своих многочисленных знакомых, которые по субботам заезжали за ней в школу. «Очень красивые у нее глаза, и этот дурацкий рыжий цвет их так подчеркнул!» Початых откинулся в кресле и задремал. Впереди их ждал Суздаль и самое лучшее время, которое бывает у влюбленных, – начало романа.

Вера этот маленький городок, сохранивший свои размеры с шестнадцатого века, любила больше Москвы. Она его считала родным, хотя первый раз попала туда в четырнадцать лет, отправившись с мамой на экскурсию. Тем летом отец, уехавший в командировку, прислал письмо, в котором сообщал, что в Москву не вернется, поскольку женится на другой женщине. Обещал денежными переводами помогать растить Веру. Мать два дня плакала, еще неделю у них в доме жила тетя Света, близкая мамина подруга, они с матерью шептались за закрытыми дверями, не обращали внимания на отсутствие обеда в доме, разбросанные вещи и пыль. Вера не выдержала безнадежности в виде этого беспорядка, вытащила пылесос и долго гремела, шумела, стучала кастрюлями. Наконец мама вышла из спальни, посмотрела на дочкину самостоятельность и сказала:

– Бросай все, собирайся, завтра едем на экскурсию.

Утром они были на автовокзале, а к вечеру – в тихом городе с речкой, монастырями и маленькими домами. Мать с дочерью гуляли, загорали под красной монастырской стеной, купали бордовый крыжовник и, вымыв его под уличной колонкой, ели из мокрого пакета. Они пробыли там всего три дня, но за это время Вера поняла, что больше никого, кроме мамы, у нее на свете нет и что взрослой она стала благодаря своему так жестоко поступившему отцу. За эти три дня мать и дочь научились понимать друг друга с полуслова и скрепили образовавшийся союз совместным горьким плачем перед отъездом. Зато в Москву обе приехали другими: успокоившимися и закрывшими раз и навсегда тему внезапного одиночества. Они были вместе, вдвоем. И ни в ком больше не нуждались. С тех пор Суздаль стал для Веры городом детства и мамы.

Чуть позже, когда она сюда приезжала с экскурсиями, к личным ощущениям добавились, как она сама говорила, гражданские. «Ну невозможно не гордиться такими местами!» – Вера говорила это абсолютно искренне и, когда по вечерам смотрела на колокольни, у нее перехватывало дыхание и где-то близко были слезы. В церковь впервые девушка тоже зашла в Суздале. Теперь она ехала сюда и понимала, что, вероятно, ее жизнь как-то изменится, и хорошо, что это может произойти здесь, в таком родном и близком месте.

Их поселили в старой советской гостинице, с плюшевыми шторами на окнах и огромными реалистическими натюрмортами, украшавшими стены. Всю группу разместили на одном этаже. Вера поселила девочек с правой стороны, ребят – с левой, между ними было два номера: для учителей. А с флангов за порядком смотрели родители-активисты, по одному с каждой стороны. На обустройство детям дали час, а потом надо было ехать обедать.

– Ну как? У тебя все нормально? – Ким зашел к Вере.

– Спасибо, очень хорошо. Я когда-то здесь останавливалась с мамой. Давно, еще в школе училась.

– Я рад, что тебе нравится. Кстати, если устала, отдыхай. Я тебе обед могу сюда привезти.

– Нет, спасибо. – Вере была приятна эта забота, но чувство неловкости появилось сразу, как только Ким вошел в ее номер. Ей казалось, что каждое слово, каждый жест, каждый шаг преисполнился особым смыслом. И это очень мешало: она не чувствовала себя свободной. А еще Вере чудилось, что Ким от нее чего-то ждет. Чего-то очень обязательного, словно ради этого они сюда и приехали. Как только Вера начинала ощущать зависимость, она нервничала. Початых, почувствовав это, поспешил выйти из номера и, уже стоя в коридоре, как бы в никуда произнес: «Если бы не выпускной, только бы меня здесь и видели!» Вера поняла, что выдала себя.

Обед прошел весело. Записные остряки обоих классов не давали расслабиться ни на минуту. Вера сидела за столом рядом с Кимом и думала, что в ее жизни все будет поделено на пятилетки, совсем как у страны, которая так внезапно изменилась. Пять лет классного руководства, прощание с теперь уже родными учениками. К десятому классу они стали почти друзьями – разница в возрасте была совсем небольшой, а жизнь требовала от ребят срочного взросления.

Ким оживленно руководил обедом, словно распорядитель бала:

– Летягин и Симаков, прошу над горячим не задумываться: времени в обрез – нас ждут монастыри.

– В монастырь надо Соловьевой. – Летягин давно и безуспешно пытался ухаживать за маленькой серьезной Соловьевой.

– Как был дураком, так им и остался. – Соловьева обижалась на все, иногда даже на комплименты.

– Соловьева, я любя! – сказал Летягин и на всякий случай вжал голову в плечи.

– Летягин, у Соловьевой учебника в руках нет, не бойся, – рассмеялся Ким, глядя на высокого парня, пытающегося превратиться в невидимку.

– У меня есть большая ложка. – Соловьева выразительно посмотрела на Летягина.

Вера все видела, все слышала, принимала участие в разговорах, но ее душевные антенны были настроены на Кима. На его взгляды и жесты. Все, что происходило сейчас, представлялось обязательным событийным орнаментом, без которого не случится самое главное.

На вечер планировалась одна экскурсия – в музей истории Суздаля. Вера к ней даже не готовилась: она все знала так хорошо, словно это была история ее семьи, а не города с многообразным историческим прошлым. Десятиклассники рассыпались по залу, а Вера, указывая на экспонаты, выразительной скороговоркой приобщала их к истории, которую только что сдали на экзаменах. В какой-то момент Вера наткнулась на взгляд Кима. Тот стоял у окна с фигурной решеткой и, задумавшись, смотрел на нее. В этом взгляде Вера нашла то, что так давно искала: любовь. Она сбилась с мысли, некоторое время молча смотрела на какой-то древнерусский костюм, а потом перевела глаза на удивленных ребят.

– Так, на сегодня хватит. Все устали. Давайте-ка в гостиницу. – Вера улыбнулась Киму, и тот смутился и даже покраснел.

Стук в дверь был тихим-тихим. Вера открыла дверь и увидела Початых. Он стоял в легкой темно-синей куртке, под которой виднелась белая рубашка. Свои черные вельветовые брюки Ким сменил на светло-голубые джинсы.

– Привет, не хочешь пройтись? С родителями я уже договорился – они последят за оглобедами. А еще предлагаю зайти куда-нибудь кофейку выпить.

Вера ждала подобного предложения.

– С удовольствием, сейчас соберусь. – Она взяла было платье, а потом передумала. В джинсах и белой футболке ей удобно, платье – это уже заявка на что-то серьезное. А Вере не хотелось делать ошибок, и еще она очень боялась обмануться в ожиданиях.

Летний Суздаль – это рай на земле. Они шли по чистым улочкам, из окон доносились разговоры, звон посуды, пахло укропом. Мальчишки на велосипедах разъезжались по домам. Туристы рассаживались в автобусы, чтобы покинуть этот город и рассказать где-то там, за морями-океанами, что, кроме матрешек, водки и красивых девиц, они видели места, волшебные в своей безмятежности и непотревоженности. Слышали звон колоколов на монастырских колокольнях, крики галок, тихое журчание речки – то есть они слышали и видели Россию.

Вера шла рядом с Кимом и рассказывала ему про маму. Вернее, про то, как приехала сюда в те самые тяжелые дни. Ким слушал молча, сосредоточенно, не задавая вопросов. Вера, сама того не ожидая, описала их с мамой последний вечер в Суздале, когда мать, собирая сумку, вдруг согнулась пополам, некрасиво и неловко села на кровать и заплакала в голос. Вера несколько секунд смотрела, как мать превращается в скрюченную фигуру, а затем заплакала сама. Дойдя до этого места в своем повествовании, девушка спохватилась:

– Черт! Такие рассказы, сколь правдивы бы они ни были, всегда выглядят как попытка разжалобить.

– А что в этом плохого? Вызвать жалость – значит, пробудить в человеке только хорошее. Я бы сказал, самое человеческое.

Ким решительно обнял ее за плечи.

– Я не представляю, как ты живешь одна. Сколько же надо иметь сил.

– Я привыкла и стараюсь об этом не задумываться. Иначе можно глупостей понаделать.

– Понимаю.

Вера и Ким уже сидели в ресторане. Посетителей было не очень много. Музыка играла приглушенно. После воспоминаний Вера как будто бы устала. Она теперь слушала Кима, который рассказывал о родителях, о том, что отношения с ними сложные – он все всегда делал наперекор. Даже теперь, когда его мать в преклонном возрасте, те старые размолвки дают о себе знать. Но это все ерунда, главное – родители живы.

– Я сейчас даже не могу себе представить чувство сиротства. – Ким посмотрел на Веру и пожалел о сказанном. – Ты не слушай меня. Я иногда такую чушь несу. И это все больше от смущения.

– Чего смущаемся? – Вера уже улыбалась.

– Тебя. Ты такая красивая. Эти рыжие волосы... – Початых осекся.

– Да, удачный оттенок, – самодовольно сказала Вера.

Вареники с вишнями были вкусными, квас холодный, а кофе крепкий. Это меню «фьюжн», как назвали бы его сейчас, их вполне удовлетворило, и теперь они сидели, курили, рассматривали расписные стены, и каждый ждал от другого потаенного знака, указывающего на их будущее.

А на обратном пути вдруг что-то неуловимо поменялось. Вера рассердилась: ей показалось, что она вымаливает у судьбы и у Кима отношения, любовь, тепло и ласку. Девушка начала себя казнить за осторожность, за то, что прислушивается к его настроению, что свои ощущения и эмоции подстраивает под ситуацию. Стало стыдно, что она, такая независимая, уже который день живет с одной только мыслью о зыбком будущем. У своей двери Вера сухо попрощалась:

– Слушай, спать пойду. Дорога все-таки утомительная. – Не дожидаясь ответа, девушка скрылась в своем номере.

Ким постоял немного, он видел, что чем-то разозлил Веру, но ему в голову не могло прийти, что злится она сама на себя, на свою влюбленность в него. Если бы Початых это понял, то давно бы уже был там, в ее номере.

Комната в длину равнялась шести шагам, в ширину – пяти. Почти пяти, точные размеры мешала определить кровать. Ким вышагивал по номеру, словно журавль, только слегка пополневший. «Ну вот что делать? Пойти к ней? Выгонит, а после этого уже все, дорога будет закрыта, и надежд никаких. Не пойти – завтра может оказаться уже поздно. И опять никаких надежд. Господи, да что ж я такой идиот! Нет чтобы еще в ресторане заговорить... А я о семье, конфликтах – да кому это интересно!» Початых бегал по комнате и уже внутренне был готов к тому, чтобы улизнуть тайком из гостиницы, найти забегаловку и напиться там, пока его ученики отдыхают.

Но тут раздался слабый крик. Через несколько секунд он повторился. Ким остановился. Звуки доносились из номера Веры. Он выскочил в коридор и постучал в соседнюю комнату. После паузы дверь приоткрылась, Вера выглянула и тут же отбежала в глубь номера.

– Ким, посмотри, кто там?

Початых развернул плечи, втянул живот и ринулся навстречу опасности. Опасность имела длинный хвостик, маленькие круглые ушки и оченьмышленый взгляд. Мышонок сидел посреди комнаты и пытался сообразить, куда надо бежать, чтобы а) уцелеть, б) не упустить вон тот замечательный кусочек печенья под кроватью. Грузный топот заставил сделать выбор в пользу безопасности. Вера сидела с ногами на постели. Ее одежда состояла из белой футболки и маленьких трусиков.

– Ты стриптиз мышам показывала? А они начали приставать?! – Ким не мог удержаться от шутки. Ситуация была «слизана» из дешевых романов.

– Тебе смешно, а я мышей и крыс боюсь больше всего на свете.

Вера наконец залезла под одеяло.

– Ну, спокойной ночи, – нерешительно произнес Ким.

– Слушай, не уходи. Посиди немного. – Вера опять вскочила. – Только пошуми, чтобы они все испугались.

– Кто все? Здесь один несчастный мыш. Голодный и маленький, – рассмеялся Ким, но тем не менее заглянул в каждый угол.

– Думаешь, он голодный? – женская сердобольность взяла верх над страхом. – Тогда положи ему кусочек колбаски, у меня от бутерброда осталась... Только не здесь, а там... – она махнула рукой в сторону двери и снова забралась на кровать.

Ким посмотрел на Верин нос, торчавший из-под одеяла, и рыжие всклокоченные пряди.

«Будь моя воля, я бы этому мышонку памятник поставил!» – подумал учитель истории и склонился над кроватью. «Он, наверное, решил, что я специально все подстроила! Ну и пусть!» – Вера закрыла глаза и вдохнула знакомый запах настоящего французского одеколона.

Мышонок сидел под тумбочкой и не мог дожидаться, пока эти странные существа ото- рвутся друг от друга. Очень хотелось есть, а они возились на постели, потом долго разговари- вали и курили, затем опять стали целоваться и никак не засыпали...

Где-то в этом месте Вериного рассказа Александра Тихоновна начинала хлюпать носом, искать одновременно очки, газету и носовой платок. Отвернувшись от Веры, она каждый раз спрашивала:

– Ну а что ж не поженились?! Любовь ведь!

– Он через год на своей бывшей ученице женился. Это у нас в школе такая мода была. – Вера могла об этом говорить спокойно потому, что после всех ее злоключений измена Початых представлялась «ерундой на постном масле».

Она еще много рассказывала Александре Тихоновне разных историй из своей жизни. Но только полностью исключив период бомжевания. Вера отлично понимала, что никому никогда нельзя говорить про такое. Объяснить почему, она толком не могла, но что делать этого не стоит – знала твердо. Единственный раз Вера нарушила свое табу, разговаривая с Ованесяном, который предложил ей замещать Раю. Тогда Вера рассказала всю историю: и про украденную

квартиру, и про скитания по подвалам, и про площадь Павелецкого вокзала. Ованесян, старый московский армянин, глядя на эту женщину, ровесницу его дочери, еще раз подтвердил свое решение, а потом помог ей поменять паспорт (Вера взяла девичью фамилию матери) и предложил служебное бесплатное жилье. У Ованесяна и его компаньонов имелась в Москве небольшая собственная гостиница. От жилья Вера отказалась, но согласилась стать администратором, а потом и директором, и была благодарна за паспорт с новой фамилией. Прошлое в любом виде ее угнетало.

Ованесян проснулся рано. Последние годы того азарта и нетерпения, с которым он встречал каждое утро, становилось все меньше и меньше. Нельзя сказать, что это было связано со здоровьем: несмотря на преклонный возраст, Ашот Георгиевич каждую субботу посещал бассейн «Чайка» и целый час плавал там, не обращая внимания ни на пар над водой, ни на ослепительное солнце, ни на проливной дождь. Компаньоны, домашние и друзья над ним смеялись: уж он-то мог купить себе абонемент в любой спа-салон с бассейном, в котором плавают полтора человека. А Ашот ходит в бассейн с серо-белыми кафельными душевыми, покорно ждет своей очереди среди пенсионеров и пьет в скромном буфете сок из пластикового стаканчика. «Дураки, я туда целую жизнь хожу, меня каждая пиявка там знает – с чего это я стану менять привычки?!» Невозможно объяснить всем им, что даже этот запах старого спортивного учреждения: влаги, общепитовского кофе, разгоряченных тел – был напоминанием о его молодости. И люди там все нормальные: о ценах в магазинах говорят, о внезапно сломавшихся «Жигулях», о последнем концерте Пугачевой. Ованесян, хоть и был очень богатым человеком, такие вещи, как привычки и традиции, оберегал от всякого рода новомодных реконструкций.

Ашот Георгиевич выполз из-под одеяла, помахал гантелями и, приняв душ, пошел на кухню. Тарелки, стоящие на столе, немного улучшили его настроение. Жена беспрекословно выполняла наказ мужа: на завтрак должен быть армянский лаваш, яйца, масло и зелень. Масло, крошеным яйцом и зеленью сдабривал лаваш Ованесян сам. Получавшийся рулет Ашот Георгиевич иногда обмакивал в ткемали. Но потом всегда жалел об этом: нежный масляный вкус лаваша с яйцом был вкусом детства. Мать еще на закуску иногда сворачивала тоненькую лепешку с маслом и абрикосовым вареньем.

Завтрак помог набрать дню нужную скорость, тем более что уже несколько раз звонил телефон: из ресторанов, владельцем которых Ованесян являлся, просили советов, разрешений, извещали о неприятностях. В доме было тихо – жена уехала к дочери за город, с внуком. Тот заболел свинкой, без матери капризничал и ничего не ел.

«Мальчик. Он ребенок еще. А как сейчас нужен сын!» Ованесян устал. Устал от вечной гонки, которую устроили его партнеры. В Москве и Питере было открыто несколько ресторанов, и, как всегда, размаху сопутствовали небрежность и невнимательность. «Так скоро мы превратимся в очередных производителей фастфуда. Вот позорище! С таким же успехом можно было чебуречную открывать...» Ованесян злился на партнеров, а еще больше на свою усталость, которая мешала противостоять молодым, жадным до неразумных денег компаньонам. «Дочь – она и есть дочь. Вышла замуж, сидит дома. Зять – человек приличный, из армянской семьи, но из ереванской». Когда-то на швейной фабрике его деда работали родственники Ашота Георгиевича. Дед, конечно, был не собственником, а директором, который подчинялся райкому партии, министерству. Но все равно чувствовал себя хозяином. Да, так и должно быть! Ованесян наконец понял, что его сегодня так беспокоит. Вера. Вера Селезнева. Сероглазая женщина, которую он сделал администратором в самом большом ресторане. Ее история оказала странное действие на старого и не впечатлительного мужчину. Жалость, сочувствие и восхищение были первыми чувствами в ответ на услышанное. А потом, позже, история этой женщины заставила его посмотреть другими глазами на собственную семью. И в который раз Ованесян проклял теперешние времена.

Он их не любил, эти времена. Жаловаться на плохую жизнь Ашот Георгиевич не имел права: дом и семья обеспечены достатком на пару поколений вперед. Но это не меняло его мнения о веке, в котором он доживал свою жизнь. Старому Ованесяну в нынешних днях не хватало уважения. Нет, в автосалоне, куда он приезжал за новой дорогой машиной, в ГУМе, поликлинике на Сивцевом Вражке при виде Ашота Георгиевича все улыбались, были предупредительны и ласковы. Но Ованесян чувствовал, что это не уважение, а подарочная упаковка. Ему же нужно было именно уважение. Маргарита Самвеловна, его супруга, дама терпеливая, как всякая восточная жена, и при этом очень решительная и умеющая руководить мужем, как-то сказала:

– Ашот, ты должен уехать в Ереван. Там еще все всех уважают. Денег у людей нет, работы мало, вот они и уважают друг друга. Здесь этим некогда заниматься.

Супруг стукнул чашкой о стол и не стал слушать продолжения. Но знал, что Маргарита права. В последнем нищем селе люди лучше относятся друг к другу, чем в столице, тротуары которой можно мостить золотыми слитками. Вот и его партнеры, молодые, начинавшие без копейки, разбогатевшие на капитале Ованесяна, теперь уже об этом не вспоминают. «Да и черт, пусть, но дело-то зачем х...ть! Добро бы просто проматывали деньги, так выжимают все соки, а когда говоришь им, не слушают... Это и есть неуважение: к труду, к мудрости, к старости...» – Ованесян этот внутренний монолог мог продолжать бесконечно. Заканчивалось все одной мыслью: «Уйду из дела, чтобы позора не видеть. Уйду! Оставляю себе один ресторан!»

Сегодня этот монолог получил логическое завершение: «Уйду, оставляю себе один ресторан. Веру назначу директором. Она сможет. Сильная. И мне станет спокойно, и деньги будут, и человеку хорошо сделаю. Сегодня же поговорю с ней». Мысль законченная дана человеку во благо – Ашот Георгиевич обрел энергию, как всегда бывает, когда решение найдено и надо теперь его реализовывать. Позавтракав, Ованесян прошел в свой кабинет, достал огромный потрепанный гроссбух и с час аккуратно выписывал на отдельный листочек какие-то цифры. Понемногу лист бумаги превратился в подобие шпионской шифровки с загадочным смыслом, и только для старого Ашота все было понятней понятного. Покончив с гроссбухом, Ованесян снял телефонную трубку:

– Сейран, здравствуй, сынок. Подъезжай-ка сегодня на Киевскую, в ресторан. Да, разговор есть. Постарайся к пяти часам. Да, жду.

Точно такой же диалог произошел у него и с двумя другими компаньонами. Ованесян знал, что послушаться его они не посмеют, приедут обязательно, какие бы встречи у них ни были назначены в других местах. А раз так, сегодня же Ашот Георгиевич поставит их перед выбором. Или меняем политику компании, или он уходит, забирает свою долю капитала, оставляя себе только ресторан на Киевской. Ованесян откинулся на спинку глубокого кожаного кресла и внимательно посмотрел по сторонам. Здесь были фотографии его родителей, совсем молодых, родного дядьки, который когда-то взял его в свою семью и воспитал, дал образование, а потом женил на Маргарите, дальней родственнице. Хотя Ашот тогда был влюблен в девочку из института. Девочка эта казалась ему такой красивой, со светлыми косами, перекрещивающимися сзади и перевязанными тонкими атласными лентами. Она была старостой их группы, выступала на всех собраниях и звонким голосом читала стихи на студенческих вечерах. У Ашота бегали мурашки по коже и краснели уши. Он однажды пригласил девочку в гости, в дом к дяде. Та согласилась и как-то в субботу зашла на минутку. Гостью тут же усадили пить чай с кизилковым вареньем, дядя и его жена расспрашивали об учебе, родителях, о ее планах. Чувствовалось, она всем в доме понравилась. Ашот проводил девочку домой, а вернувшись, застал дядю сидящим в его комнате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.